

введение.

почему цивилизация?

1 О чем эта книга?

Сегодня цивилизация превратилась в политическую ценность поистине вселенского масштаба. Цивилизацию отстаивают и защищают самые влиятельные мировые лидеры. Дональд Трамп, рассуждая об угрозе, исходящей от радикального ислама, не колеблясь утверждает: «Мы уничтожим ИГ [организация, запрещенная в РФ], и мы защитим цивилизацию. У нас нет другого выбора» (совместная конференция с королем Иордании Абдаллой II, 5 апреля 2017 года). Не менее решителен и Владимир Путин, размышляющий о мрачных перспективах третьей мировой войны: «Понимание того, что третья мировая война может оказаться концом сегодняшней цивилизации, должно сдерживать нас от крайних и чрезвычайно опасных для современной цивилизации действий на международной арене» (прямая линия с Владимиром Путиным, 7 июня 2018 года).

Цивилизации постоянно кто-то угрожает, ее надо оберегать, поскольку ее утрата приведет к непоправимым последствиям для жителей всего земного шара. Трамп и Путин прибегают к хорошо известной речевой стратегии. Сама идея защиты цивилизации в XX веке служила общим местом геополитической риторики: впервые ее использовали политики стран Антанты во время Первой мировой войны, в то время как их противники немцы воевали во имя собственной культуры. Нет причин сомневаться, что понятие «цивилизация» давно является одним из ключевых элементов языка современного международного права.

Цивилизация настолько значима, что порой кажется, будто мы пользуемся этой категорией с незапамятных времен. Между тем это не так. Люди изобретали новые понятия, когда нуждались в более эффективном инструменте познания – себя, общества и окружающего мира. За каждым из ключевых терминов человеческого мышления кроется сильная концепция, в определенный исторический момент позволявшая истолковать происходившие с человеком события более четко, ясно и наглядно. Сейчас большинство политических терминов столь прочно вошло в оборот, что мы не задумываемся об их происхождении и истории, не отдаем себе отчета в том, какие проблемы человек пытался решить с помощью того или иного понятия.

На самом деле, имя существительное «цивилизация» в европейских языках появилось и утвердилось достаточно поздно – во второй половине XVIII века. В этом смысле автор книги избавлен от утомительной необходимости «объять

необъятное» — исчислить все значения термина от Античности и до сегодняшнего дня. Впрочем, мы не намерены писать историю понятия «цивилизация» ради самой истории. Это вполне благородная задача, однако в целом она уже была успешно решена в прошлом. Об истории «цивилизации» писали великие ученые: историки Люсьен Февр и Фернан Бродель, социологи Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Норберт Элиас, «отец» психоанализа Зигмунд Фрейд, лингвист Эмиль Бенвенист , литературовед Жан Старобинский. Работы исследователей полны интересных наблюдений, но непохожи друг на друга. Очевидно, люди прошлого, употребляя слово «цивилизация», акцентировали разные его смыслы.

Из сказанного следуют два предварительных вывода.

Первый: «цивилизация» — важная часть нашего мировоззрения, нашей повседневности, способ оценивать окружающую действительность.

Второй: не всегда понятно, что именно означает термин «цивилизация». Действительно, он несколько износился от слишком частого употребления, его значения многообразны и размыты.

Задача этой книги — заново собрать концептуальный пазл под названием «цивилизация», внести ясность в вопрос о том, как мы употребляем это понятие и как его использовали до нас, систематизировать языковой опыт прошлого и настоящего в историческом контексте.

Эмиль Бенвенист

(1902–1976) — французский лингвист, один из крупнейших специалистов по общей лингвистике, сравнительной истории и типологии индоевропейских языков. В 1935 году он предложил революционную теорию об индоевропейских корнях современного имяобразования. Кроме того, Бенвенист известен своими работами по связям исторической семантики понятий с социальной структурой европейских обществ. Именно таким образом в поле его зрения попало и слово «цивилизация».

Соблазн видеть одни только цивилизации всегда велик: ведь они — главное. К тому же цивилизации проявили чудеса изобретательности, дабы воспроизвести свой древний облик, свои орудия, костюмы, дома, обычаи, даже свои традиционные песни. Нас ждут их музеи. Вследствие этого каждая их «клеточка» имеет хорошо известную окраску. Часто все тут самобытно: ветряная мельница в Китае вращается в горизонтальной плоскости; в Стамбуле внутренняя сторона браншей ножниц изогнута, а роскошные ложки сделаны из перцового дерева. Японская наковальня, как и китайская, не похожа на нашу. Суда в Красном море и в Персидском заливе построены без единого гвоздя...*

Фернан Бродель

* Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. С. 76–77.

Моя цель — показать, какие действия можно (было) совершать с помощью слова «цивилизация», какие цели способен преследовать человек, апеллирующий к этому термину.

Я хотел бы показать современному читателю смысловые поля, внутри которых жила и живет «цивилизация», в пределе — сделать общее словесное употребление осмысленным, побудить задуматься над тем, что кажется очевидным, рутинным и автоматическим. И история здесь способна оказать нам неоценимую услугу. В данном случае наука не выступает в роли учительницы жизни, едва ли возможно буквально следовать примерам из прошлого. Механизм работает иначе. Размышляя над ситуациями, в которых люди использовали термин «цивилизация», осведомленный и интеллектуально ответственный читатель может почувствовать дистанцию между своим и чужим представлением о мире. Это позволит ему четко локализовать собственное место в традиции и, как следствие, в окружающей его действительности. В конечном счете, история понятий¹ — это наука о том, как мы познаём реальность с помощью слов и почему мы выбираем одни слова и пренебрегаем другими.

i Об истории понятий см.: https://az-books.ru/uploads/instruction_1.pdf.

2 Что такое цивилизация?

Итак, в каких областях мы сталкиваемся со словом «цивилизация»?

Во-первых, в науках: истории, антропологии, этнографии, экономике. Кроме того, мы часто используем термин «цивилизация», когда с помощью этого понятия оцениваем уровень развития современных технологий. «Цивилизация» в современной научной речи часто употребляется анахронически. Например, мы уверенно оперируем словосочетаниями «греческая цивилизация», «римская цивилизация» или «цивилизация ацтеков», хотя понимаем, что древние греки или ацтеки не мыслили в этих категориях. Однако словоупотребление столь удачно, что в учебных построениях мы, как правило, пренебрегаем контрастом с языком источника.

Во-вторых, в популярной псевдонауке. «Цивилизация» — это нечто большое, цельное, замкнутое в себе, но решительно нам неведомое — например, «внеземные цивилизации». О них мы ровным счетом ничего не знаем, однако уверенно утверждаем, что им присущ «цивилизационный» характер. «Цивилизация» универсальна — прошлое, настоящее и будущее удобно описывать с помощью всеобъемлющего термина.

В-третьих, в компьютерных играх — в известной серии под названием «Цивилизация», где игрок может выстроить свой собственный мир, развивать и расширять его, проживать в нем исторические эпохи. В воображаемой реальности наши современники воюют, разрушают, договариваются, создают и порой решают судьбы всего (виртуального) человечества.

В-четвертых, слово «цивилизация» — органичный элемент нашей повседневной речи. Сталкиваясь с диким с нашей точки зрения поступком, мы склонны апеллировать к присущей здравомыслящему человеку цивилизованности. На призыв к конфликту мы отвечаем нечто вроде: «Всегда можно договориться, мы же цивилизованные люди». Не менее часто мы удаляемся от «цивилизации» на «лоно природы» или, наоборот, ценим «цивилизацию» за удобство и комфорт.

Теперь попробуем поставить вопрос чуть иначе: какие действия можно совершать с помощью понятия «цивилизация»?

Спорить о геополитике. С помощью нашего термина можно аргументировать самые разные точки зрения: например, о конфликтной природе взаимоотношений государств в мире, устроенном как совокупность замкнутых сообществ, враждебных друг другу, или — о смягчающем эффекте цивилизации как процесса, способного привести людей к мирному сосуществованию в сложноорганизованном социуме благодаря развитию торговли, технологий и образования.

Доказывать преимущества или недостатки национализма. Цивилизация шире нации, однако интересующее нас слово актуально и для националистического дискурса, особенно в контексте антагонизма «цивилизации» с другим важным понятием — «культура»¹ 55. С одной стороны, цивилизацию можно представить как нечто внешнее, материальное, низменное, чужое, а культуру — как свое, внутреннее, «духовное», правильное. С другой — цивилизация помогает объединять представителей разных народов, создавать глобальное культурное пространство, свободное от столкновений на националистической почве. Тезис о доминанте культуры над цивилизацией чаще всего возникает среди сторонников идеи «особого пути» как реакция на отставание, попытка преодолеть цивилизационный разрыв через отрицание своей цивилизации. Теоретиками культуры

i История понятия «культура» тесно связана с генезисом слова «цивилизация». Объем книги не позволяет мне дать полноценное описание истории этого понятия, однако отдельные аспекты взаимоотношений «культуры» и «цивилизации» неизбежно окажутся в поле моего внимания.

исторически прежде всего были жители периферийных европейских империй — Пруссии (Германии) и России (хотя среди них был и один выдающийся француз — Жан-Жак Руссо **50**). Впрочем, склонность подчеркивать культурное («духовное») превосходство экономически неразвитых народов над своими более успешными с этой точки зрения собратьями свойственна не только Европе. Тенденция стремительно распространялась в XIX столетии по всему пространству постколониального мира.

Рассуждать о философии истории. Цивилизация имеет тенденцию к тому, чтобы превращаться в свою противоположность — «варварство», предшествующее цивилизации или следующее за ее упадком. Например, цивилизация может оказаться мнимой и порочной, а варварство — естественным и добродетельным. Путь цивилизации един для всех народов или же каждая цивилизация идет своим, «особым» историческим путем? Понятие «цивилизация» — отличный инструмент дебатов о *Sonderweg* **1**.

Заниматься наукой. В XX веке цивилизация стала популярным научным брендом. С его помощью историкам, социологам, антропологам удастся увидеть мир в его целостности и во взаимосвязи отдельных его элементов, создать современную междисциплинарную методологию, внутри которой «цивилизация» может мыслиться либо как процесс, либо как результат этого процесса. Теоретический синтез наук возможен по нескольким направлениям: социологии, психологии и истории (как у Элиаса **115**) или экономики, географии, антропологии и истории ментальностей (как у Броделя **126**). Важно, что обе упомянутые традиции живы, подвергаются критике и реагируют на нее. Polemika порождает новые подходы, способные помочь нам по-новому взглянуть на человека и его место в мире.

Создавать политическую теорию. Теоретики цивилизации зачастую не только искали законы мировой истории, но и пытались на их основе сделать прогноз на будущее — в этом смысле цивилизационные подходы стали важным признаком эпохи «больших идеологий» (наряду, например, с марксизмом и дарвинизмом). «Цивилизация» здесь — это не столько академиче-

ский, сколько идеологический термин, звучащий в устах политика-пророка. Понятие оказалось весьма действенным: с одной стороны, оно служит частью научного лексикона, с другой — наделяется мощным пророческим смыслом. Союз науки и политики часто выглядит убедительно.

Дискутировать об экономике. Следствием масштабного экономического развития стало то, что мы сейчас называем глобализацией. Границы между национальными традициями со всей их спецификой стираются. Всемирная цивилизация объединяет людей и нивелирует культурные различия между ними, упрощая и стандартизируя повседневную жизнь и способы ее осмысления. В этом научном поле полемика ведется по двум направлениям. Во-первых, существуют ли универсальные экономические законы, доказывающие единый цивилизационный путь, который не зависит от национальных или региональных особенностей? Или, как говорится, “culture matters” («культура имеет значение») — экономические законы теряют свою универсальность и трансформируются в зависимости от «цивилизационной» ситуации, от мировоззрения людей, вовлеченных в производство и потребление материальных благ? Во-вторых, как следует истолковывать «прогресс»¹ в экономике (промышленности, сельском хозяйстве и торговле) и его последствия: как очевидное благо или, наоборот, неизбежное зло для тех, кто пользуется плодами цивилизации?

Sonderweg (нем.) — «Особый путь», ключевое понятие теории германской исключительности, ставшее популярным на рубеже XIX–XX веков. Первоначально интерпретировался в положительном ключе как совокупность черт, отличавших объединенную Германию от западных демократий, — сильная армия и бюрократия, централизация власти и эффективная культурная и образовательная политика. После Второй мировой войны значение термина сменилось на противоположное: он стал обозначать печальный финал немецкой истории, приведшей к нацизму. См.: «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

i Понятие «прогресс» также является многозначным, обстоятельного разговора требует и его связь с термином «цивилизация» уже в рамках самостоятельного исследования.

Наконец, существует и чисто языковая парадигма цивилизации. Как уже говорилось, само интересующее нас слово возникло в западноевропейских языках относительно недавно. Оно было искусственно образовано от корня французского глагола *civiliser* путем присоединения суффикса *-tion*. Соответственно, в других языках термин маркировался как иностранный, заимствованный. Рассказ о цивилизации — это и история о переводе с языка одной культуры на язык другой, при котором происходят семантические сдвиги. «Цивилизация» может передаваться с помощью заимствованного понятия, или его смысл способен раскрываться через целую серию синонимов, имеющих местное происхождение. Термин помещается в другой политико-языковой контекст и меняет свое значение.

Любопытно, что для перевода слова «цивилизация» не всегда использовалась прямая калька. Так, в исландском языке понятие передается термином *sidmenning*, который происходит от *menning*, «культура», «очеловечивание», и *sidr* — «обычай», в валлийском — *gwareiddiad*, голландском — *beschaving* («обстругивание», «обтесывание»). В бенгальском языке для обозначения «цивилизации» воспользовались старым санскритским термином *sabhā* («хорошее общество») и образовали имя существительное *sabhhyatā*. В Японии понятия «цивилизация» не существовало в принципе, оно возникло искусственным образом во второй половине XIX века. Его обозначили иероглифом «бун-мэй»ⁱ («цивилизация»). В арабском языке «цивилизация» — *tamadun* — происходит от слова *madīnat* («город»), в чем усматривали определенное сходство с латинским понятием *civitas*. Скорее всего, речь идет о слове, специально введенном в арабский по аналогии с западноевропейскими языкамиⁱⁱ.

Следить за приключениями «цивилизации» в разных языковых средах — занятие весьма увлекательное. В рамках этого повествования я не смогу остановиться на всех случаях концептуального переводаⁱⁱⁱ, однако один из них — трансформацию понятия в русском языке — рассмотрю достаточно подробно.

3 Три истории

Немецкий искусствовед Аби Варбург (1866–1929), помимо собственных пионерских научных работ и уникальной библиотеки, оставил нам в наследство короткий, но убедительный афоризм — «Бог в деталях». Сложноустроенный ответ на вопрос о том, что такое цивилизация, во многом обусловлен солидарностью автора с утверждением Варбурга. Действительно, как только мы пустимся в детали, то выяснится, что разные значения и парадигмы «цивилизации» имеют тенденцию переплетаться, одни элементы описанных выше определений смешиваются с другими. В итоге границы, необходимые для создания внятной классификации, зачастую стираются. Возникают любопытные гибриды, вроде идеи цивилизованных войн (*civilized wars*).

Так, история цивилизации рискует превратиться в беспорядочное перечисление отдельных интерпретаций термина, пугающих многообразием своих смыслов. Как мне кажется, единственный разумный выход из ситуации — ограничиться несколькими репрезентативными сюжетами и не стремиться (увы!) к всеохватности или энциклопедичности. Как говорится, «всего не упустишь».

Так, например, отдельного обсуждения достойны: знаменитая «История цивилизации в Англии» историка Генри Томаса Бокля (1821–1862), появление занимающего нас термина в этнографии и антропологии

i 文明

ii *Серебряный С. Д.*
О переводах слов «культура» и «цивилизация» на неевропейские языки // Европейские судьбы концепта культуры (Россия, Германия, Франция, англоязычный мир). М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 29–33, 36–37.

iii О том, как понятия «цивилизация» и «культура» могли интерпретироваться в неевропейском контексте, подробнее см.: *Sartori A. Bengal in Global Concept History. Culturalism in the Age of Capital.* Chicago; London: University of Chicago Press, 2008.

в трудах Льюиса Генри Моргана (1818–1881) и Эдварда Тайлора (1832–1917) или сравнительный анализ цивилизаций в социологии Шмуэля Эйзенштадта (1923–2010). Но я расскажу только три истории, поскольку моя задача – показать, как и из чего складывались ингредиенты «цивилизации».

Что это за истории?

Первая из них начинается в середине XVIII века, когда французский экономист Мирабо (отец **34**) «придумывает» слово «цивилизация». В этот момент появляются составляющие цивилизации:

- а) концептуализируется старое противопоставление отсталости («варварства») культурному и материальному развитию;
- б) формулируется тезис о «больших» исторических эпохах, сменяющих друг друга;
- в) представители шотландского Просвещения **1** вводят понятие о цивилизационной стадиальности и прогрессе.

Одновременно возникающая теория цивилизации вызывает отчетливый и мощный протест – прежде всего у тех, кто считал превосходство городской культуры над миром природы мнимым. Руссо и немецкие философы Гердер **50** и Кант **58** переворачивают сложившиеся иерархии с ног на голову: первобытный человек оказывается добродетельнее цивилизованного, а национальная культура, какой бы «варварской» она ни была, всегда лучше заимствованной, несмотря на все формальные преимущества последней. Критика цивилизации имела дальние последствия и оказала большое влияние на развитие политической мысли.

В 1820-е годы французский политик и историк Франсуа Гизо **62** создает синтетическую теорию цивилизации. Задача Гизо, в частности, заключалась в том, чтобы найти адекватный ответ на критический, «немецкий» дискурс цивилизации. В итоге ему удалось преодолеть концептуальный разрыв между интеллектуальной и материальной деятельностью человека.

Второй сюжет – о «русской цивилизации» и «цивилизации в России». Это не одно и то же. Еще при появлении термина в европейских языках Российская империя оказалась в самом

центре цивилизационных дебатов. Каким образом это произошло, я расскажу во второй главе книги.

Концепция русской цивилизации сформировалась еще до возникновения в русском языке специального заимствованного термина. При обсуждении цивилизационных коллизий образованные дворяне долгое время предпочитали французский язык русскому. Однако на рубеже 1820–30-х годов в России (не без влияния работ Гизо) наконец возникает и очень быстро утверждается хорошо нам знакомое слово «цивилизация».

Каким образом российские мыслители XIX столетия ответили на вызов европейского проекта русской цивилизации, склонялись ли они к идее общечеловеческой цивилизации или к тезису об уникальной национальной культуре? В целом, изоляционистская логика владела: русский XIX век известен прежде всего своей критикой цивилизационного проекта. Я подробно остановлюсь на двух коллизиях: трактовке «цивилизации» через «культуру» и «образование», осуществленной министром народного просвещения С. С. Уваровым **90**, и складывании «цивилизационной» парадигмы во второй половине столетия — в трудах Н. Я. Данилевского **97**, Ф. М. Достоевского **101** и Л. Н. Толстого **104**.

Третья история — уже про XX век, в центре повествования — не только философия истории, но и наука о «цивилизациях». Изначальный импульс к форми-

Шотландское Просвещение — понятие, описывающее многогранную интеллектуальную активность шотландских философов, историков и экономистов второй половины XVIII века. Основные представители — Дэвид Юм, Адам Смит, Томас Рид, Адам Фергюсон, Дюгальд Стюарт и др. Шотландское Просвещение связано с образовательной деятельностью университетов Глазго и Эдинбурга, научными разысканиями многих ученых обществ, действовавших на территории Шотландии. Оказало мощное влияние на развитие политэкономии, истории, философии истории, эстетики.

рованию цивилизационной теории задал знаменитый труд Освальда Шпенглера «Закат Европы» **108**, где мыслитель одновременно выступил в двух жанрах. Это, безусловно, историко-философское произведение, автор которого, при всем стремлении быть ученым, в немалой степени выступал как пророк, предсказывавший судьбы западного мира. Между тем Шпенглер, благодаря «цивилизационной» исследовательской оптике, заложил основы глобальной научной истории цивилизаций – направления, ставшего актуальным во второй половине прошлого столетия.

Шпенглер умер в 1936 году. Почти в то же самое время другой немецкий ученый Н. Элиас выдвинул оригинальную трактовку понятия «цивилизация». Новизна заключалась в том, что Элиас противопоставил идее цивилизационного столкновения тезис о цивилизации как процессе, суть которого – в растущей способности придворного человека Нового времени справиться со своими аффектами и стать «цивилизированным», научиться обходиться без насилия и контролировать себя. Методологическим союзником социолога выступил З. Фрейд, как именно – я расскажу в третьей главе книги.

В середине XX века во французской историографии возникает влиятельная синтетическая концепция, призванная сгладить противоречия в интерпретации цивилизации. Ее автором стал Ф. Бродель, который, в частности, опирался на разработку понятия в трудах Э. Дюркгейма и М. Мосса. Броделевская модель была чрезвычайно успешной и востребованной. Новая методология стремилась учесть все цивилизационные особенности, построить теорию, готовую работать с разными временными пластами и со всем многообразием источников.

На рубеже 1980–90-х годов понятие «цивилизация» переживало определенный кризис: оно настолько прочно вошло в употребление, что фактически потеряло свою идентичность. Однако в середине 1990-х годов понятие вновь стало актуальным. Заслуга в этом свершении принадлежала политологу С. Ф. Хантингтону **144**, автору знаменитого труда «Столкновение цивилизаций». Каковы основные аргументы Хантингтона,

читатель узнает из заключения к книге. Три истории, разумеется, не исчерпывают богатого смыслами сюжета. В то же время они позволяют увидеть, с какой целью и почему люди прошлого делали «цивилизацию» стержневым понятием в собственных размышлениях о мире.

Важно подчеркнуть, что работа Хантингтона обнажила известное противоречие в интерпретации «цивилизации»: этим понятием было принято обозначать как «состояние войны» между принципиально несхожими между собой большими культурными сообществами, так и процесс «умиротворения», развитие навыков социальной и межнациональной коммуникации. В заключении я также попробую порассуждать о том, какие перспективы ждут слово «цивилизация» в будущем, может ли оно стать основой для поиска политического консенсуса или же оно обречено стать элементом амбициозной программы «войны миров».